

УДК 930(477) “1954/1960”–“1991/2013”

А.И. ЧУМАК

**УЧАСТИЕ УССР В «ЦЕЛИННОЙ КАМПАНИИ»:
СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**Гимназия № 9 им. О.М. Луценка,
г. Черкассы, Украина
e-mail: ototak@yandex.ua

В статье рассматривается роль трудовых, материальных и других ресурсов Украинской ССР в освоении целинных и залежных земель Советского Союза (Сибири, Казахстана и других территорий). Речь идет об оценках «целинной кампании» в современной украинской историографии. Автор делает вывод о том, что историки Украины достаточно критично подошли к исследованию этого вопроса, хотя некоторые аспекты «целинной кампании» остаются малоизученными или исследованными поверхностно, в большинстве случаев – в контексте «стандартов» национального исторического нарратива современной Украины.

Ключевые слова: целина, «целинная кампания», ресурсы, Украина, украинцы, украинская историография.

В 1954 г. начался очередной коммунистический проект модернизации социально-экономического уклада в Советском Союзе – освоение целинных и залежных земель (целины). Его реализация требовала значительных материальных и человеческих ресурсов, а значит – и обществоведческого (или же политически-экономического) обоснования их использования. Вследствие этого имеются все основания утверждать, что в научных исследованиях тема «целинной кампании» вовсе не новая. Но после распада СССР она обогатилась новыми интерпретациями в рамках формирования новых государственных или альтернативных им исторических взглядов. В Украине новые взгляды на эту тему стали возможными по двум причинам: значительно расширившегося доступа к архивным источникам и налаживания реального научного диалога не только с исследователями постсоветских республик, но и представителями западной научной мысли.

Едва ли не самым первым ориентиром для украинских исследователей начала 1990-х гг. стала лаконичная концептуальная книга канадского историка Ореста Субтэльного «Украина: история» [1], адаптированная для украинского читателя из англоязычного издания 1988 г. «Целинная кампания» представлена в ней как первый сельскохозяйственный проект Н.С. Хрущева, который предусматривал освоение для дальнейшей культивации около 16 млн га нетронутых земель Казахстана и Сибири. Большую часть финансовых, материальных и человеческих ресурсов для этой кампании, по мнению исследователя, взяла на себя как раз Украина. На 1956 г. Субтэльный насчитал 80 тыс. квалифицированных специалистов по сельскому хозяйству и «тысячи тракторов», переброшенных на целину. Он насчитал также сотни тысяч украинских студентов, отправленных на освоение распахан-

ных земель. Программа освоения целины, по мнению Субтэльного, дала неоднозначные результаты, но вполне очевидно, что «выкачивала из Украины ресурсы и ослабляла сельскохозяйственное производство республики» [1, с. 617]. Несмотря на определенные неточности в статистических данных работы канадского историка украинского происхождения (в частности, февральско-мартовский (1954 г.) Пленум ЦК КПСС намечал освоить 13 млн га целины, а не 16), стоит отметить, что его небольшие тезисы стали в дальнейшем исходной точкой для многих исследователей этой темы в Украине.

Необходимо отметить, что сугубо оценочно современные украинские историки, наверное, значительно реже своих российских коллег отнесли к изучению «целинной кампании». Отчасти это было эмоциональным желанием выработать самостоятельное видение научно сформулированной проблемы, которое в свою очередь представляло общую тенденцию сепарации украинского обществоведения от российского. Вместе с тем, ученые Украины получили более широкий доступ к архивным источникам, которые стали активно анализировать и интерпретировать по большей части в контексте так называемых постколониальных студий, «украинский стандарт» которых весьма четко охарактеризовал Георгий Касьянов [2, с. 86–90].

Более-менее удачные методологические попытки отойти от этого стандарта позволили украинским исследователям выйти на новые горизонты в изучении советской политики по освоению целинных и залежных земель. Ярослав Грыцак, например, не берется утверждать, чего больше принесла распашка целины – пользы или вреда? Хотя в целом констатирует, что в сельском хозяйстве хрущевские реформы на 1963 г. потерпели полное фиаско. Вместе с тем, ученый вы-

сказывает предположение: если бы Хрущеву удалось добиться успеха в освоении целинных земель, это коренным образом изменило бы традиционную роль Украины как «великой житницы Российской империи». С этим, по его мнению, связано как раз то, что сельское хозяйство республики должно было сосредоточиться на производстве мяса, молока, сахара и другой продукции, что, как известно, также не удалось осуществить [3].

Однако большинство исследователей в Украине придерживаются критических взглядов относительно «целинной кампании» и ее последствий для Украинской ССР. И если на начало 1990-х гг. анализом постановления пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» (февраль – март 1954 г.) исследователи, по существу, и ограничивались [4, с. 55], то чуть позже украинская историография пополнилась более широкими трудами о «целинной кампании».

На практике весьма примитивные взгляды Хрущева на экономику вылились в то, что в организации сельскохозяйственного производства самыми популярными стали экстенсивные методы по расширению фонда эксплуатируемых земель, а из-за перераспределения капитальных вложений больше всего пострадала Украина. Леонид Беренштейн указывает на большой вклад аграриев Украинской ССР, который они были вынуждены внести в пользу как раз такого экстенсивного освоения целинных земель. В первую очередь из Украины было вывезено большое количество техники. Например, летом 1954 г. МТС и совхозы республики отправили на целину Российской Федерации 9,4 тыс. комбайнов и 1 тыс. зерноочистительных машин. В середине 1950-х гг., выполняя задание ЦК КПСС, на кампанию освоения целинных земель работало 90 промышленных предприятий Украины [5, с. 81].

По мнению Беренштейна, «целинная кампания» стоила Украине десятки тысяч трудовых мигрантов для районов Российской Федерации и Казахстана. Исследователь утверждает, что в 1954–1955 гг. 60 % выпускников сельскохозяйственных, зоотехнических, ветеринарных институтов и техникумов, училищ механизации сельского хозяйства Украины оставили республику именно ради труда на целине. И это в условиях трудного материально-технического положения и кадрового голода в селах собственной республики. Только в северные районы Казахстана за 1954–1961 гг. было направлено на работу свыше 163 тыс. граждан УССР, из них – большое количество механизаторов [5, с. 81-82].

Во втором томе коллективного труда «Украина и Россия в исторической ретроспективе» Виктор Даниленко рассматривает освоение целины с точки зрения давней политики еще Российской империи «по перемешиванию народов», которая в СССР приобрела, дескать, еще более мощную социальную и национальную унификацию. Ученый утверждает, что немалое евразийское пространство (и особенно Северный Кав-

каз, Кубань, Нижнее Поволжье, Башкирия, Казахстан, Западная Сибирь, Дальний Восток) в XX в. удерживалось в значительной степени благодаря этническим украинцам и их ассимилируемым потомкам: крестьянам-переселенцам, военным и инженерам оборонных предприятий, нефтяникам, «кулакам», изгнанным из Украины во время коллективизации, и т.п. «Целинную кампанию» он сравнивает с «первобытной азиатской колонизацией» (переселение времен Столыпина). В освоении целины украинцы, на его взгляд, представляли значительную, иногда доминирующую часть и в многочисленных «постройках коммунизма» в Сибири, Казахстане, на Крайнем Севере. Как следствие, в России непрестанно росло количество людей, которые имели родственников в Украине [6, с. 399].

Составители учебной литературы для школ и высших учебных заведений Украины также отмечают преобладание экстенсивных методов ведения хозяйства, которые преобладали в аграрной политике Хрущева. Освоение нетронутых земель, на их взгляд, происходило за счет хозяйств европейской части СССР и главным образом Украины. Несмотря на то, что республика испытывала собственный недостаток в технике, кадрах, финансах, из нее в районы освоения целины было вывезено большое количество техники. Юрий Мыщик и Олег Бажан лишь в 1954–1955 гг. насчитали свыше 93 тыс. украинцев, прибывших на целину в Казахстан. Политика освоения целинных земель дала лишь кратковременный эффект, – утверждают они. Общие потери урожая на освоенных землях были слишком высокими, а производство зерна на 20 % дороже, чем в среднем по СССР [7].

На начало XXI в. в украинской историографии наметилась тенденция более глубоких, а также локальных исследований «целинной кампании». Так, в монографии Ивана Романюка предпринята попытка понять логику реформ Хрущева в целом. Исследователь приходит к выводу, что решение об освоении целинных и залежных земель принималось, прежде всего, как составляющая общего увлечения Хрущевым идеей наладить сельскохозяйственное производство по образцу промышленности в городах, в частности, с помощью советских хозяйств (совхозов). Идея осовхозивания, по мнению исследователя, тревожила Никиту Сергеевича постоянно, ведь он был убежден, что государственные предприятия на селе будут и должны работать так, как и в городе. В совхозах он видел ростки коммунистического способа хозяйства, а для него они представляли высшую и совершенную форму собственности [8, с. 51].

С другой стороны, И. Романюк доказывает, что «осовхозивание села проводилось без учета материальных и финансовых возможностей государства, вследствие чего много только что созданных совхозов не были в достаточной мере обеспечены средствами производства» [8, с. 54]. Следовательно, сам акцент советской системы ведения хозяйства на обобществленный способ производства, сосредоточение и перераспределение ресурсов в обход рыночных механизмов

ставил перед государством вопрос о достижении плановых показателей лишь с помощью нематериальной мотивации (социалистических соревнований и других проявлений «трудового энтузиазма» и «кампанейщины») и беспощадной эксплуатации природных ресурсов – ярким примером чего и была, собственно, «целинная кампания».

Олег Малярчук в своем диссертационном исследовании сосредоточился на анализе «целинной кампании» в самой Украине, в частности в западноукраинском регионе (в принципе – на мало известной стороне истории освоения целины). Исследователь на локальном материале характеризует деятельность партийных и советских органов по решению кадровых, финансовых и других вопросов сельскохозяйственного производства во времена Хрущева. Как предполагалось, обеспечить реформы аграрного сектора и улучшить политико-экономическую ситуацию в Западной Украине должны были коммунисты, направлявшиеся на постоянную работу в сельские районы из городов и промышленных центров. Официальная пропаганда утверждала, что «призыв партии помочь селу нашел широкий отклик среди трудящихся города». Однако анализ архивных партийных документов дал основания О. Малярчику утверждать, что значительная часть коммунистов, особенно областного руководящего звена, всячески уклонялась от такой миссии. Например, к началу 1954 г. Дрогобычский обком КП(б)У вместо 115 чел. согласно плана отправил на постоянную работу из городов в села области только 16 коммунистов, в том числе из аппарата обкома – 4 чел.; Львовский обком вместо 141 – 15, из аппарата обкома – 4; Ровенский из 150 – 38, из аппарата обкома – никого; Станиславский из 44 аппаратчиков – ни одного [9, с. 11]. И это тогда, когда все хорошо знали, что далеко не каждый деятель с партийной карьерой является успешным руководителем-хозяйственником. Острейшей кадровой проблемой оставался довольно низкий образовательный и организаторский уровень председателей колхозов именно в сфере производства. Хотя качественный состав руководителей хозяйств, в результате проведенных в первой половине 1950-х гг. мероприятий, улучшился, однако поставленные партией часто нереальные хозяйственные задания выполнялись неудовлетворительно [9, с. 14].

Главное задание первичных партийных организаций, согласно исследованию О. Малярчука, было в том, чтобы «правильно расставить» коммунистов на главных участках производства сельскохозяйственной продукции. По мнению партийного аппарата, ситуация прежде всего определялась тем, что в животноводстве работало наименьшее количество коммунистов и комсомольцев, особенно в горных районах. Правление колхозов и первичные партийные организации создали общественные комиссии, утвержденные на заседаниях бюро райкомов партии, по контролю над правильным использованием и хранением кормов в хозяйствах. Несколько позже при них же на общественных началах были организованы комиссии партийного контроля

над деятельностью администрации колхозов [9, с. 16]. Все это вело к бюрократизации и только мешало производству, а не помогало ему.

Что касается расширения посевных площадей за счет целинных земель в Западной Украине, то здесь активно внедрялась пахота горных пастбищ в Карпатах. Показательным в этом плане О. Малярчук считает колхоз им. Кирова Глыбоцкого района Черновицкой области, где в течение трех лет распахали сенокосы и пастбища площадью в 300 га. Ежегодно на возделывание этой территории колхоз тратил 200 тыс. руб. Нарращивание сельскохозяйственного производства поглощало огромные ресурсы, однако надлежащей отдачи не было. В 1955 г. урожай кукурузы составлял здесь 1,6 ц/га, тогда как раньше на этом участке заготавливали 20 ц/га качественного сена [9, с. 12]. Следовательно, использование человеческих ресурсов и материально-технической базы в рамках «целинной кампании» на Западной Украине было таким же нерациональным, как и в целом в СССР. А это в который раз свидетельствует о непродуманности и противоречивости всей кампании, как на глобальном, так и на локальном уровнях. Что в большинстве случаев и отмечают исследователи как в Украине, так и за ее пределами.

Таким образом, грандиозный хрущевский проект освоения целинных и залежных земель, который «надолго законсервировал экстенсивный характер сельского хозяйства» [10, с. 390], получил пока первичное освещение в современной украинской историографии. Исследователи делают акцент на миграционных процессах, которые изменили социальный облик как Украины, так и огромных пространств Казахстана и Сибири. Зачастую отмечают, что «целинная кампания» подорвала внутреннее обеспечение Украинской ССР высококвалифицированными трудовыми ресурсами. Впрочем, исследователям украинских историков все еще недостает адресного подхода к отдельным аспектам рассматриваемой проблемы, более глубокого и всестороннего анализа, не только учитывающего национальный контекст, но и включающего критический пересмотр имеющейся статистики и других источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Субтельний О.* Україна: історія / пер. з англ. Ю.І. Шевчука; вст. ст. С.В. Кульчицького. 3-тє вид., перероб. і доп. К.: Либідь, 1993. 720 с.
2. *Касьянов Г.* «Пикник на обочине»: осмысление имперского пришлого в современной украинской историографии // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. (Библиотека журнала «Ab imperio») / под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 81–108.
3. *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX ст. К.: Генеза, 1996. 360 с.
4. *Михайлюк В.* Історіографія розвитку аграрних відносин в Україні (70-ті – початок 90-х рр.). К.: ред.-вид. рада Укрдержагроуніверситету, 1992. 181 с.
5. *Беренштейн Л.* Аграрні проблеми у діяльності М.С. Хрущова // М.С. Хрущов і Україна: матеріали наукового семінару 14 квітня 1994 р., присв. 100-річчю від дня народження М.С. Хрущова. К.: Інститут історії України НАН України, 1995. С. 79–87.

6. Україна і Росія в історичній ретроспективі: нариси в 3 т. Т. 2: Радянський проект для України / В.А. Гриневич, В.М. Даниленко, С.В. Кульчицький, О.С. Лисенко. К.: Наукова думка, 2004. 532 с.

7. Мицик Ю.А., Бажан О.Г., Власов, В.С. Історія України: навч. посіб. / К.: Києво-Могилянська академія, 2008. 586 с.

8. Романюк І. Українське село в 50-ті – першій половині 60-х рр. ХХ століття. Вінниця: Книга-Вега, 2005. 256 с.

9. Малярчук О. Аграрна політика партійно-радянської влади (1944–1964 рр., західні землі України): Автореф. дис ... канд. іст.

наук: 07.00.01 / НАН України. Ін-т українознав. ім. І. Крип'якевича. Ін-т народознав. Львів, 2005. 20 с.

10. Економічна історія України: Історико-економічне дослідження: в 2 т. / [ред. рада: В.М. Литвин (голова), Г.В. Боряк, В.М. Гець та ін.; відп. ред. В.А. Смолій; авт. кол.: Т.А. Балабушевич, В.Д. Баран, В.К. Баран та ін.]; НАН України, Ін-т історії України. К.: Нчіка-Центр, 2011. Т. 2. 608 с.

Статья поступила
в редакцию 19.01.2013

УДК 32.01

Л.Н. МАЗУР

СЕЛЬСКАЯ БЮРОКРАТИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

д-р ист. наук,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург
e-mail: Lmaz@mail.ru

В статье рассматривается возможность использования топографического подхода для изучения бюрократии. Анализируются особенности формирования и функционирования сельской бюрократии в советской России, ее состав, социально-профессиональные характеристики, механизмы рекрутирования. Сельская бюрократия появляется в середине XIX в. и реализует более разнообразный спектр моделей господства, среди которых наиболее распространенными были патриархально-демократическая и азиатская.

Ключевые слова: советская Россия, сельская бюрократия, социальный состав, функции.

Среди проблем истории бюрократии наименее изученными остаются вопросы ее внутренней стратификации, имеющей не только вертикальную, но и горизонтальную (пространственную) структуру. В этом отношении правомерно говорить о сельской бюрократии как особой социальной группе, становление и развитие которой приходится в России на XIX–XX вв. Усложнение социальной структуры бюрократии можно рассматривать как основную тенденцию развития, связанную с ее интеграцией во все общественные макро- и микроструктуры (община, общественные организации, предприятия, учреждения).

Бюрократизация общества (по вертикали и горизонтали), реализация бюрократией функций государства разворачивается как исторический процесс, включающий несколько стадий:

– XVI–XVIII вв. – бюрократизация государственного центрального аппарата управления, которая в России получает развитие вместе с формированием централизованного государства и продолжается вплоть до губернской реформы 1775 г.;

– конец XVIII–XIX в. – бюрократизация не только органов центральной власти, но и местного аппарата управления, в том числе в сельской местности;

– XX в. – бюрократизация социальных микроструктур (учреждений, организаций, предприятий).

Этот этап связан с формированием профессионального менеджмента, который претендует на универсальность и всеобщность, доводя до логического завершения отчуждение системы управления от человека.

В России бюрократизация аппарата управления начинается достаточно рано, уже в период формирования централизованного государства. На каждом этапе она постепенно охватывает все новые общественные структуры, изменяясь количественно и качественно. По данным Б.Н. Миронова, в первой половине XIX в. количество чиновников выросло более чем в 3 раза (с 0,6 чел. на 1 тыс. чел. населения до 2,0), затем следует относительное сокращение их численности (до 1,6 чел. на 1 тыс. чел. населения в 1913 г.), хотя в абсолютных показателях она увеличивалась. К 1880 г. чиновников было около 129 тыс., к 1897 г. – 145 тыс., а к 1913 г. их численность достигла 253 тыс. [1, с. 200–201]. Новый скачок численности чиновников наблюдается в советский период: 1922 г. – 5,2 чел. на 1 тыс. чел. населения, 1940 г. – 9,5, 1950 г. – 10,2, 1985 г. – 8,7 чел. [с. 204]. Постсоветская Россия дает нам пример абсолютного торжества бюрократии, не ограниченной никакими нормами, законами и механизмами контроля. На сегодняшний день ее численность составляет около 1 млн чел. (не считая депутатов и сотрудников